

Изъ области народной фантазіи и быта *).

Загадочное выраженіе: „Въ декабрь — полъ-человѣка, перваго января — полный человѣкъ“.

Семейная жизнь. Роженица, до истеченія 40-дневнаго періода со времени родовъ, не должна входить ни въ одишъ домъ; въ противномъ случаѣ въ посѣщенномъ ею домѣ будутъ „невылазныя“ мыши. Какъ роженица нѣкоторое время не допускается подъ чужой кровъ, такъ поворожденные на извѣстный срокъ изгоняются изъ-подъ родительскаго крова: не мало знаемъ случаевъ отдачи грудныхъ дѣтей на воспитаніе кормилицамъ въ деревни. (Кутаисъ).

Б о л ѣ з н и.

Грыжа. Для предупрежденія грыжи поворожденному дитяти, до первичнаго прикладыванія его къ груди мате-

*) Данная работа составила, главнымъ образомъ, изъ сообщеній слѣдующихъ лицъ: учениковъ Кутаисской гимназіи — Варлаама Шавдіи, Константина Сулаквелидзе и Владимира Гобечіи, бывшаго ученика гимназіи Петра Гвазавы и, наконецъ, начальника желѣзнодорожной станціи „Сациръ“, Тквибульской вѣтви, Василия Сергѣевича Гиголова. Въ надлежащихъ мѣстахъ эти фамиліи и имена будутъ обозначены инициалами. Сочѣствовавшимъ мнѣ лицамъ приношу сердечную благодарность. Въ этой работѣ для сравненія приведены, во-первыхъ, кое-какія мѣста изъ моей статьи, напечатанной, подъ тѣмъ же заглавіемъ, что и представляемая, въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ (вып. XVIII, отд. III); во-вторыхъ, нѣкоторые выдержки изъ сборника „Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края“, составленнаго Павломъ Васильевичемъ Шейномъ, незабвеннымъ руководителемъ первыхъ моихъ шаговъ въ дѣлѣ собиранія произведеній народнаго творчества, — равно какъ изъ „Русской исторіи“ Константина Николаевича Бестужева-Рюмина, покойнаго профессора Петербургскаго университета.

Авторъ.

ри, нужно дать соску изъ наскобленнаго краснаго бурачка. (С. Сациры, Кут. уѣзда).

Младенческая болѣзнь. Во время припадка снять съ ребенка все, что на немъ имѣется, съ непремѣннымъ условіемъ разорвать на его груди рубашенку; снятое бросить въ огонь и облечь ребенка въ свѣжее одѣянье, которое, въ случаѣ повторенія припадка, снявъ, также предать пламени—дита выздоровѣтъ. (Батумъ).

При первомъ припадкѣ слѣдуетъ на кончикѣ мизинца правой руки сдѣлать надрѣзъ или перпендикулярно или параллельно къ ноготку—для спуска небольшого количества крови: припадки не будутъ повторяться.

Взять голубя и заднимъ проходомъ приложить его къ заднему же проходу больного ребенка: послѣдній выздоравливаетъ, а голубь, воспринявшій его недугъ, издыхаетъ.

Корь. При заболѣваніи дитяти корью—раскрашиваютъ козокъ, сверхъ того увѣшивая ихъ цвѣтными ленточками; въ помѣщеніи же больного держатъ голубя, кролика и церковный вѣнецъ. (Противоположный взглядъ: при домѣ нельзя держать ни кроликовъ ни голубей, такъ какъ они дѣтямъ приносятъ болѣзни). Въ случаѣ смерти такого ребенка, означеннаго голубя во время похоронъ несутъ на кладбище и тамъ пускаютъ на волю. Въ девятый день послѣ погребенія на кладбищѣ выпускается другой голубь. Упомянемъ еще объ одномъ погребальномъ обычаѣ, наблюденномъ нами при похоронахъ дѣвочки, умершей отъ кори: въ гробикъ малютки кладутъ конфеты, книжки, зеркало, шляпку и платье. (Кутаисъ).

Въ напечатанной статьѣ нашей сказано, что въ Квареляхъ въ гробъ кладется одна вѣнчальная свѣча. (Кварели).

Съ этимъ можно сравнить то, что говорится въ Бѣлорусскомъ сборникѣ: „Я неоднократно видывалъ, что умер-

шаго мужчину „ображали“ между прочимъ и въ шапку, преимущественно—войлочный колпакъ. Тогда же меня увѣрили, что въ „кишени носова“, надѣтаго на покойника, кладутъ „пишку съ кашукомъ“, кремень и кресиво, если онъ курилъ при жизни, и табакерку, если „заживаѣ“ табакъ. Къ поясу мужчины поверхъ рубашки привѣшивали калиту, убранную гладкими мѣдными пуговицами и небольшою ножъ въ кожаномъ чехлѣ—предметы, съ которыми крестьянинъ не разстается въ ежедневной жизни. Какъ мужчинѣ, такъ и женщинѣ за пазуху „носова“ клали чистую „хустычку“ (холстинный платочекъ, называемый „носовичкой“), чтобы покойникъ могъ въ нужныхъ случаяхъ вытереть свои „вѣчки, носъ и вѣстинки“. При раскопкѣ новой могилы нерѣдко случается, что нападаютъ на старую, отъ которой уцѣлѣли самые ничтожные слѣды: часть черепа и костей. Въ такихъ могилахъ неоднократно находили, какъ рассказываютъ, бутылъ съ водкой, будто сохранившей чистый свой вкусъ и доброкачественность. Увѣрили также, что въ такихъ могилахъ иногда находили топоры, долота, бурава, мелкія деньги и т. п. предметы“. (Витебской губ. и уѣзда).

Приведу здѣсь описаніе обряда сожженія у русовъ, принадлежащее Ибнъ-Фоцлану, писателю X вѣка. Передъ сожженіемъ изъ гроба, вырытаго изъ земли, вмѣстѣ съ покойникомъ, погребеннымъ въ саванѣ, вынули опьяняющій напитокъ (набисъ), плоды и лютню. Одѣвъ покойника въ нижнее платье, шаровары, сапоги, куртку, кафтанъ изъ золотной ткани съ золотыми пуговицами и шапку изъ золотной ткани, отороченную соболями,—и перенесъ покойника на скамью, поставленную на ладью, положили подлѣ него опьяняющій напитокъ, плоды и благовонныя травы, предъ нимъ хлѣбъ, мясо и лукъ.

Въ приведенныхъ описаніяхъ встрѣтивъ упоминаніе о

бутыли съ водкой, набисѣ и вспомнивъ выставившійся бокъ чури въ свѣжей могилѣ на одномъ изъ кутаисскихъ кладбищъ, я предположилъ возможность существованія у здѣшняго народа обычая—снабжать погребяемаго покойника виномъ: догадка моя подтвердилась сообщеніемъ крестьянина изъ с. „Майданъ“, что въ старину, какъ онъ слышалъ отъ пожилыхъ людей, во всей Имеретіи ставился въ могилу подлѣ гроба „докі“ (небольшой кувшинъ) съ виномъ. При особомъ усердіи могли зарывать въ могилу и чури вина.

Въ нашей работѣ напечатано: „Жители гор. Кутаиса и с. Эки, Сенаксѣ. уѣзда, по возвращеніи съ погребенія, прежде чѣмъ войти въ домъ, умываютъ руки и лицо, чтобы на будущее время предотвратить несчастье въ семьѣ“.

Въ дополненіе къ этому приведу то, что говорится въ Бѣлорусскомъ сборникѣ: „Возвращающіеся съ кладбища прежде всего подходятъ къ печи и, погладивъ ее три раза руками, приговариваютъ: „нихай умирающъ прусаки ды тырыканы, а не людзи!“, послѣ чего каждый умываетъ руки“.

(Витебской губ. и уѣзда).

Холера. Чтобы предупредить заболѣваніе холерой, въ купальняхъ, устроенныхъ на двухколесныхъ устояхъ, къ подводнымъ частямъ колеса или колышка прикрѣпляютъ полосу бычачьей шкуры. (Кутаисъ).

Болезнь желудка. Взять полстаканчика слабаго вина и въ немъ растворить небольшой кусочекъ медвѣжьей желчи (датвіс наѣвелі)—и выпить этотъ растворъ. „Высушенную медвѣжью желчь продаетъ татаринъ: за большій кусочекъ беретъ двадцать копеекъ, за меньшій—десять, пятнадцать“. (Кутаисъ).

Бѣсть понемногу высушеннаго корня аира (котхоці)—когда въ желудкѣ почувствуется боль. (Кутаисъ).

Кровотеченіе горломъ. Какъ только покажется кровь

изъ горла, сейчасъ нужно принять растворъ соли—горсть на стаканъ воды. (Кутаисъ).

Солитеръ. Противъ солитера больной долженъ съѣдать натошакъ винный стаканчикъ очищенныхъ тыквенныхъ съмянъ и затѣмъ принимать слабительное; только черезъ два часа послѣ этого онъ можетъ подкрѣпляться пищею. (Кутаисъ).

Отъ того же недуга—корень попоротника съ молокомъ. (Сацеры).

(Въ Чехіи употребляется противъ глистовъ молоко съ чеснокомъ, а въ Малороссіи—конопляное масло съ сахаромъ).

Лихорадка. Противъ лихорадки—принять растворъ сухой горчицы: чайная ложечка на рюмку водки. (Кутаисъ).

Мозоли. Къ мозолямъ прикладывать или чеснокъ, истолченный съ ватой, или сырую говядину (но лѣтомъ неудобно, такъ какъ очень жжетъ), или сало—коровье или свиное, или, наконецъ, воскъ. (Кутаисъ).

Зубная боль. Забрасывая на крышу выпавшій или выдернутый зубъ, произносятъ:

Ага, мзо, шені кбілі, На, солнце, теой зубъ,
Маме чемі озрос кбілі Дай мнѣ золотой! (Кутаисъ).

Какъ бользнь передается другому.

Для передачи своего недуга другому прибѣгаютъ къ слѣдующему способу: изъ гибкаго прута, очищеннаго отъ кожицы, готовятъ кольцо; послѣднее смочивъ слюной или рвотиной и смазавъ гноемъ изъ раны, язвы или нарыва (смотря по роду болѣзни), идутъ съ кольцомъ, держа его за спиной, къ воротамъ своего дома, при чемъ произносятъ: „пусть моя болѣзнь перейдетъ къ другому!“ Въ воротахъ, продолжая держать кольцо сзади себя, поворачиваются спи-

ной и бросаютъ его внѣ собственнаго двора—въ надеждѣ, что кто-нибудь изъ постороннихъ подыметъ кольцо. Возвращаясь въ домъ, читаютъ „Отче нашъ“.

Въ связи съ этимъ находится слѣдующее повѣрье: натѣльнаго крестика здороваго ребенка нельзя употреблять для временнаго удовлетворенія нужды больного дитяти, напр. при крещеніи его; въ противномъ же случаѣ одинъ изъ этихъ ребятъ долженъ умереть. (Кутаисъ).

Въ Бѣлоруссіи (Копысь, з. г. Мог. губ.)—для передачи чесотки дѣлаютъ хорошенькую палочку съ зарубками, которыя смазываютъ сыпнымъ гноемъ и бросаютъ палочку на видномъ мѣстѣ.

Въ Копысѣ на перекресткѣ загородныхъ дорогъ мною была найдена человѣческая фигурка изъ тѣста, брошенная съ тою же коварною цѣлью передачи болѣзни другому, съ какою „зерані“ (см. мою статью) выкладывается на землю.

Приведемъ извѣстную уже молитву противъ порчи глазъ: „Злыхъ ангеловъ тмы мы опутаемъ пеньковыми сѣтями и закуемъ въ желѣзные кандалы. Зловредный духъ! выходишь ли ты изъ дерева, или воды, или воздуха, приносишься ли вѣтромъ, являешься ли отъ солнца, или луны, или звѣздъ,—отойди прочь, такъ какъ ты все-таки злой духъ! Меня ограждаетъ крестъ. Со мной Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святой. Во имя Пресвятой Троицы мы запечатаемъ злыхъ духовъ и свяжемъ ихъ словами Матѳея, Марка, Луки и Іоанна. Боже! сохрани и огради двери и крышу дома Твоимъ милостивымъ крестомъ“. При чтеніи этой молитвы, заимствованной у отшельника въ Кахетин, знахарка ножомъ водить по головкѣ, плечикамъ и спинкѣ больного ребенка; а по окончаніи молитвы, срѣзавъ уголекъ съ одной стороны, три раза, при сдуваніи съ него порошка за каждымъ разомъ, и потерши объ очищенную такимъ образомъ сторону уголька свой палець, она послѣднимъ

накрестъ мажетъ лобъ, подбородокъ и щеки дитяти. Усма-
тривая въ нѣкоторыхъ пріемахъ знахарки аналогичность съ
дѣйствіями священника, при совершеніи имъ таинства кре-
щенія, особенно, когда онъ миропомазуетъ ребенка,—при
наличности кое-какихъ данныхъ, содержащихся въ приве-
денной молитвѣ, мы позволяемъ себѣ послѣднюю признать
апокрифическимъ подражаніемъ церковной молитвѣ.

Между прочимъ, о знахаркахъ говорятъ, что онѣ,
дабы пользоваться большимъ довѣріемъ въ народѣ, и мо-
литвы надъ больными читаютъ церковныя, и страждущихъ
посылаютъ къ священникамъ.

Рѣка Руа.

Въ каменномъ днѣ небольшой рѣчки „Руа“, въ раз-
ныхъ мѣстахъ всего ея протяженія, высѣчены шесть ваннъ
для купанья; почти въ самомъ верховьѣ рѣчки находится
естественное углубленіе, носящее названіе „мецѣ тахті“
(царскій престолъ, царское сѣдалище), ибо тамъ, по пре-
данію, купались имеретинскіе цари. Туземцы говорятъ, что
въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ—іюня, іюля и августа,
въ этихъ ваннахъ купаются до пятисотъ человѣкъ еже-
дневно, съ ранняго утра и до поздняго вечера. Вода рѣч-
ки, тепловатая, считается цѣлебной—противъ ревматизма,
геморроя и катара желудка. (Кутаисъ).

Праздничные обычаи, игры и забавы.

Чествованіе св. Георгія.

У подошвы горы „Накераль“ лежитъ село Дзировани.
Нѣкогда въ немъ свирѣпствовалъ моръ на людей, первен-
цовъ мужескаго пола. Въ это тяжелое время мѣстному
священнику было видѣніе во снѣ—явился св. Георгій (цер-
ковь воздвигнута въ честь этого святого) и сказалъ: „Ут-
ромъ поди къ церкви; на куполѣ увидишь голубя; голубь

вспорхнеть и полетить; слѣди взоромъ за его полетомъ и примѣть мѣсто, гдѣ онъ опустится и сядетъ: должно тамъ построить часовню и изъ вашей церкви въ нее перенести девять чугунныхъ крестовъ, чашу и копіе—послѣ этого моръ прекратится“. Проснувшись въ религіозномъ трепетѣ, священникъ собрался и отправился къ церкви. Дѣйствительно, на церковномъ куполѣ сидѣлъ голубь, который вдругъ поднялся и полетѣлъ на гору „Накераль“, гдѣ и опустился на землю. Священникъ прихожанамъ сообщил о бывшемъ ему видѣніи и указалъ мѣсто, куда слѣлъ голубь. Не медля долго, тамъ воздвигли каменную часовню со сводами, размѣромъ небольшую и вмѣщающую въ себѣ лишь семь человѣкъ. Туда перенесли означенные кресты и чашу съ копіемъ; но изъ крестовъ, разной величины, сдѣланныхъ, по преданію, изъ иголокъ, собранныхъ изъ всѣхъ домовъ Дзировани, въ часовнѣ поставили только одинъ, а остальные водрузили подлѣ часовни. Когда это святое дѣло было окончено, моръ прекратился. Въ память чудеснаго избавленія отъ мора въ селеніи установленъ праздникъ, ежегодно соблюдаемый въ половинѣ мая, въ субботу (если случится дурная погода, то въ слѣдующую). Крестьяне этотъ радостный день проводятъ въ религіозныхъ дѣлахъ и пированіи. Когда наступитъ утро, старшій въ семьѣ мужчина беретъ око (3 ф.) сыру, „похали“ (четверть батмана, составляющую 5 ф.) гоми, порцію вина—и все это несетъ въ опредѣленный домъ. Такихъ приносителей собирается сюда до ста. Сыръ и гоми складываются вмѣстѣ; вино сливается въ нѣсколько „гобебі“ („гобі“—деревянная посуда въ родѣ корыта). Приготовивъ яства и питье, всѣ идутъ въ церковь отслушать литургію, а иногда и молебенъ. Послѣ церковной службы тѣ же мужчины возвращаются, уже со священникомъ и дьячкомъ, въ сборный пунктъ и тамъ съ благословенія священника на-

чинается пирушка: ѣдят сыръ и гоми; пьютъ вино, которое изъ „гобебі“ черпаютъ чашками. Пирушка, устраиваемая вышеуказаннымъ способомъ, въ складчину, одинъ годъ происходитъ въ одномъ домѣ, другой годъ въ другомъ и т. д. по-очереди. Послѣ пира сотрапезники съ церковнымъ причтомъ взбираются по опаснымъ крутизнамъ на гору „Накераль“ и посѣщаютъ чудотворную часовню. Здѣсь священникъ служитъ молебенъ, и міряне прикладываются ко крестамъ и къ чашѣ. Иногда священникъ не принимаетъ участія въ восхожденіи на гору; рѣшивъ это заранее, онъ въ церкви вслѣдъ за обѣдной служитъ и молебенъ. Дьячокъ ежегодно сопутствуетъ мірянамъ на священную гору въ этотъ торжественный день. Часовня уже носитъ на себѣ слѣды разрушенія. (С. Дзировани, Кут. уѣзда).

В. С. Г.

Марбули.

Вотъ обширная площадь, а на ней двухъэтажный домъ съ балкономъ. Приближается день Петра и Павла, и владѣлецъ того имѣнія заботится о постройкѣ на площади дощатыхъ заборовъ, выводимыхъ по двумъ concentрическимъ окружностямъ, съ промежуткомъ между ними въ двѣ сажени слишкомъ; другая его забота — найти охотниковъ участвовать въ „марбули“, исполненіе котораго онъ поручаетъ своимъ слугамъ. Въ извѣстный день передъ барскимъ домомъ можно видѣть толпу народа, состоящую изъ нѣсколькихъ десятковъ мальчиковъ, въ возрастѣ отъ 7 до 13 лѣтъ, и изъ отцовъ этихъ дѣтей. Вотъ отцы становятся шпалерами вдоль перилъ лѣстницы, ведущей на второй этажъ. Тамъ на балконѣ у входа въ комнаты (или даже въ самыхъ дверяхъ) стоитъ высокое кресло, украшенное кистями (бімбілебѣт) и снизу снабженное колокольчикомъ. Въ это кресло садится хозяинъ. Раздается звонокъ, и по лѣстницѣ

подымается мальчикъ, который подходитъ къ хозяину. Такъ, по звонку предъ хозяиномъ поочередно появляются всѣ собравшіеся мальчики. Каждому изъ нихъ онъ велитъ согнуть правую руку и при этомъ или сжать кисть руки въ кулакъ, или (что считается болѣе вѣрнымъ способомъ) большимъ пальцемъ сильно надавить наконечный суставъ указательнаго—для опредѣленія крѣпости мальчика. Если у испытуемаго заиграетъ задній мускулъ руки выше локтя, то такой мальчикъ причисляется къ крѣпышамъ, и хозяинъ разрѣшаетъ ему принять участіе въ „марбули“. Присутствующій здѣсь писмоводитель вноситъ крѣпышей въ списокъ, съ обозначеніемъ ихъ лѣтъ. Послѣ этого всѣ причастные къ выборамъ сходятся на площади, гдѣ записанныхъ дѣтей выстраиваютъ въ колонку, по три въ рядъ, и такихъ рядовъ бываетъ около десяти. Когда хозяинъ займетъ среднее мѣсто въ колонкѣ, между рядами, а писмоводитель станетъ впереди ея; когда отцы фланговыхъ мальчиковъ размѣстятся возлѣ своихъ дѣтей, а среднихъ—позади отряда, тогда начинается шествіе по направленію къ церкви. Возлѣ храма отцы отдають почтеніе хозяину, предъ нимъ ставъ на правое колѣно и низко склонивъ голову. Послѣ этой церемоніи хозяинъ садится на дроги, которыя слѣдовали за отрядомъ, и возвращается домой; а писмоводитель той же колонкой разводитъ дѣтей по домамъ и послѣ развода сообщаетъ и напоминаетъ отцамъ о томъ, какое одѣяніе они должны приготовить своимъ сыновьямъ и гдѣ могутъ достать имъ лошадей для предстоящаго ристанія, въ чемъ и состоитъ „марбулі“, въ день Петра и Павла. „Дѣтей должно одѣть во все красное—штаны пусть будутъ въ обтяжку, баплыкъ долженъ быть маленькій, не длиннѣе аршина, и завязанъ по-гурійски, кисточкою на високъ; лошадей можно найти у абхазцевъ, но выбрать исключительно бѣлыхъ. Требуемыхъ лошадей достаютъ,

плата абхазцамъ по рублю за каждую. Чтобы лошади были рьяныя, абхазцы прижигаютъ ихъ, взывая за это особую плату въ размѣрѣ тридцати копеекъ съ лошади. Прижиганіе происходитъ на лѣсистой горѣ, что за фонтаномъ, посреди поляны, гдѣ имѣется и яма, вырытая для разведенія огня. Производится оно слѣдующимъ образомъ: раскаливъ желѣзо докрасна и обернувъ его смоченнымъ и въ нѣсколько разъ сложеннымъ сукномъ, прикладываютъ его несвободному и лишь судорожно вздрагивающему животному къ разнымъ мѣстамъ крестца, брюха и груди, дѣлая это до тѣхъ поръ, пока желѣзо не потемнѣетъ; послѣ чего ту же операцію продолжаютъ голымъ желѣзомъ, снявъ сукно. Прижигаютъ два раза: первый разъ — наканунѣ бѣга, передъ заходомъ солнца, въ присутствіи созванныхъ отцовъ, которые, по окончаніи операціи, лошадей уводятъ въ свои конюшни; второй разъ — въ день скачекъ, за часъ до начала ихъ („утромъ въ 7 часовъ, если скачки назначены въ 8“). Въ послѣднемъ случаѣ къ мѣсту пытки лошадей являются съ отцами и сыновья, уже облекшіеся въ нарядническій нарядъ. Когда вторичная операція кончится, абхазцы осѣдлываютъ лошадей и сами на нихъ усаживаютъ дѣтей, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ этого момента, а предъ тѣмъ жадно слѣдившихъ за всѣми дѣйствіями операторовъ. Всадники въ безпорядкѣ и съ крикомъ: „ура!“ несутся вскачь, по направленію къ церкви, немилосердно хлеща лошадей кнутами („матрахебіт“). Возлѣ церкви стоятъ два господскихъ музыканта, одѣтые въ черное платье и „погрузинско-солдатски“. Завидѣвъ приближающихся всадниковъ, они на своихъ большихъ трубахъ начинаютъ имъ играть салютъ. Черезъ нѣкоторое время отъ церкви выступаетъ отрядъ, построенный въ такомъ видѣ: впереди идутъ трубачи, за ними слѣдуютъ отцы и приглашенные виновникомъ зрѣлища абхазцы, далѣе ѣдутъ — на гнѣдой лошади

письмоводитель, а за нимъ на бѣлыхъ коняхъ красные наѣзники, по два въ рядѣ. Ожидаемая хозяиномъ процессія доходить, при неумолкаемыхъ звукахъ трубъ, до ристалища, гдѣ музыканты уже перестаютъ играть и становятся въ сторонѣ, возлѣ забора. Священникъ, одѣтый въ траурное облаченіе, благословляетъ состязателей евангеліемъ и говоритъ имъ краткое поученіе о томъ, что они не должны прибѣгать къ обману, въ случаѣ невозможности состязаться въ бѣгѣ. Получивъ отъ него такое же благословеніе вторично, дѣти, повидимому, теперь только прозрѣвшіе, насколько рискованно предстоящее состязаніе, просятъ съ чувствомъ благоговѣйнаго страха, если во время бѣга съ ними случится несчастіе, похоронить ихъ въ томъ нарядѣ, въ какомъ они явились на „марбулі“. Послѣ этого отворяютъ ворота ристалища и туда пропускаютъ всадниковъ, забывшихъ страхъ и полныхъ удали, поодиначкѣ: наѣзники должны описывать круги, длиною въ версту, въ теченіе часа. Хозяинъ первостепенныхъ побѣдителей въ состязаніи награждаетъ золотыми часами, второстепенныхъ—серебряными часами или деньгами. Разказчикъ, самъ принимавшій участіе въ „марбулі“, передаетъ печальный случай, очевидцемъ котораго ему пришлось быть.

За нѣсколько времени до окончанія скачекъ, одна лошадь, утомленная бѣгомъ, своротила въ сторону, намѣреваясь перепрыгнуть черезъ заборъ; но это не удалось ей, и она повисла на заборѣ. Сѣдокъ упалъ съ лошади, и убился до смерти; его подняли и положили на землю внѣ ристалища. Такое несчастіе ничуть не нарушило порядка развлеченія: остальные всадники продолжали скакать до конца. Между тѣмъ хозяинъ распорядился, чтобы изготовили гробъ. По окончаніи скачекъ, тотчасъ приступили къ погребенію погибшаго наѣзника. Въ похоронахъ принимали участіе хозяинъ и его трубачи, исполнявшіе похоронный

маршъ, отцы, несшіе гробъ, и состязатели, за гробомъ шедшіе колонкой, по три въ рядъ. На кладбищѣ, по преданіи тѣла землѣ, подлѣ свѣжей могилы былъ поставленъ столъ, на которомъ появились поминальная каша и вино. Священникъ и хозяинъ отвѣдывали того и другого первые. Музыканты играли и послѣ погребенія, но уже веселую арію. Отцу, потерявшему сына, хозяинъ назначилъ пожизненную пенсію. (Сухумъ). П. Г.

Встрѣча Нового года.

Наканунъ праздника, вечеромъ, стрѣляютъ изъ ружей, провожая старый годъ и встрѣчая новый; а „кучха“ (нога семьи), которымъ обыкновенно бываетъ мужчина, почуветъ въ чужомъ домѣ. Утромъ онъ возвращается въ свою семью, неся подносъ, на которомъ насыпано гоми и положены — жирная курица, свиная голова, яблоко со вдавленной въ него монетой, шелкъ и плющъ. Подойдя къ родному дому, „кучха“ начинаетъ стучаться въ дверь и кричать, чтобы ему отворили. Черезъ запертую дверь спрашиваютъ его, что онъ несетъ. „Кучха“ отвѣчаетъ: „несу Новый годъ, счастье...“ Послѣ троекратнаго повторенія такого вопроса и отвѣта, „ногъ семьи“ отворяютъ дверь и его встрѣчаютъ съ радостнымъ поздравленіемъ и веселымъ смѣхомъ. По обычаю, всѣ члены семьи руками прикасаются ко всему, лежащему на подносѣ. Затѣмъ „кучха“ беретъ горсть гоми и рассыпаетъ по комнатѣ. Во время обѣда на столъ появляется знаменательный пирогъ съ фаршемъ изъ свиныхъ потроховъ. Молодая чета вмѣстѣ должна схватить этотъ пирогъ и общими усилиями разломать. Если большая часть пирога останется въ рукахъ мужа, родится сынъ, и будетъ хорошій урожай кукурузы; противное явленіе съ пирогомъ предвѣщаетъ рожденіе дочери и урожай гоми. (Сел. Чиквинджи, Зугд. уѣзда, Кут. губ.). В. Г.

Коварная „забава“.

Чтобы полакомиться вкусной бараниной, мальчишки и взрослые парни готовят смѣсь перца и соли и эту смѣсь черезъ мундштукъ вдвѣваютъ въ носъ или въ ухо жирному барану, отчего послѣдній падаетъ на землю.... Хозяинъ спѣшитъ зарѣзать этого барана. (Кутаисъ).

Опрометчивыя желанія.

Подъ заглавіемъ „Способы получить желаемое“ въ статьѣ нашей сказано (Сборн. мат. вып. XVIII, отд. III, стр. 375): 1) ...старушка вздумала попросить у Бога долгой жизни, и Онъ далъ ей дожить до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлалась съ мизинецъ. 2) Одинъ человѣкъ просилъ у Бога денегъ: „Боже! дай шестьдесятъ мѣшковъ, мѣшокъ на мѣшкѣ“. Но такъ какъ просящій былъ опрометчивъ и о деньгахъ не упомянулъ, то Богъ ему далъ шестьдесятъ мѣшковъ пустыхъ. Въ древней мифологіи: сыну Лаомедонта Титѣону, по просьбѣ его супруги Авроры, Юпитеръ далъ очень продолжительную жизнь; но такъ какъ Аврора позабыла при этомъ попросить и вѣчной юности для мужа, то Титѣонъ съ лѣтами такъ сильно высохъ (Longa Tithonum minuit senectus — Ног. Од. II, 16), что наконецъ Юпитеръ, сжалившись надъ нимъ, превратилъ его въ травяную кобылку, стрекозу.

Невѣрность жены.

Въ нашей статьѣ приведена пѣсня, пѣтая на сидѣньѣхъ возлѣ больной корью крестьянки; эта пѣсня сложена на случай невѣрности жены, который также былъ разсказанъ (Сациры, Кут. у.). Почти то же мы находимъ въ „былинѣ о деревенщинѣ“. Былина, представленная намъ ученикомъ В. Шавдѣй, въ которой онъ усмотрѣлъ полнѣйшую аналогію, какъ и есть на самомъ дѣлѣ, съ „былиной о богатомъ новгородскомъ гостѣ (Терентьеще)“ — слѣдующаго содержанія.

Одинъ мужикъ женился на молодой бабенкѣ.... Жена завела себѣ любовниковъ („куроеби“)... Однажды ей захотѣлось увидѣться съ своимъ „куро“: она прикидывается больной и посылаетъ мужа въ городъ за докторомъ. Ничего не зная о продѣлкахъ жены, мужикъ отправляется въ путь. Дорогой онъ повстрѣчалъ нищихъ, которые, узнавъ его горе, предложили ему свои услуги, говоря при этомъ: „Жена твоя вовсе не больна, она только притворяется такою“. Озадаченный мужъ принимаетъ предложеніе нищихъ. Они сажаютъ крестьянина въ мѣшокъ, и одинъ изъ нищихъ, помня старую хлѣбъ-соль мужика, взваливаетъ живую пошу на свои плечи. Идутъ. Вотъ ужъ братія во дворѣ невѣрной жены. Узнавъ, что нищіе играютъ на духовомъ инструментѣ, хозяйка соглашается впустить ихъ въ домъ. „Куросъ“ былъ здѣсь. По просьбѣ его и молодежи братія заиграла и запѣла пѣсенку:

Чемо бамбіс томарао!	Мѣшокъ мой изъ ваты!
Гесміс курші ту арао?	Слышишь или нѣтъ?
Ме ром хмалі могабаре,	Данную шапку ты
Шеінахе ту арао?	Спряталъ или нѣтъ?

Хозяинъ выльзъ изъ мѣшка, выхватилъ палку изъ рукъ перваго попавшагося нищаго и такъ отколотилъ „куро“ своей жены, что отбилъ у него всякую охоту продолжать ухаживанія; къ тому же, любовникъ пролежалъ въ постели мѣсяца два. Да и молодица навсегда отказалась отъ побитаго „куро“. (М. Хони, Кут. уѣзда).

Царство животныхъ.

Цкромі.

Жили себѣ братъ и сестра, сироты. Разъ они пошли въ лѣсъ, куда взяли съ собой и съѣстныхъ припасовъ. Тамъ, расположившись у подошвы горы, сироты разложили

костеръ и стали варить кашу... Костеръ уже потухаетъ, а каша еще не готова. Братъ и говоритъ сестрѣ: „Поди, принеси дровъ!“ Сестра отказывается и, въ свою очередь, предлагаетъ брату, чтобы онъ самъ сходилъ за дровами. Когда тотъ не согласился, сестра вынуждена была отправиться за валежникомъ; но, уходя, она сказала: „Братъ! не тронь безъ меня каши, а иначе пусть эта гора обрушится на твою голову!“ Когда сестра исчезла изъ виду, онъ не утерпѣлъ и попробовалъ-таки кашу: вдругъ на него обвалилась гора и погребла его подъ собою. Сестра возвращается къ пристанищу съ дровами, находитъ обрушившуюся гору, а брата не видитъ, и повергается въ отчаяніе. Она превращается въ цкромі—и все время кричитъ: „змао!“, зовя милого брата. (Сел. Сачилао, Кут. уѣзда).

В. Ш.

Сова.

Сова собрала около себя маленькихъ птичекъ и, когда всѣ уѣлись на землѣ, сказала имъ: „Я ваша госпожа, и вы должны слушаться меня—вотъ сейчасъ помойте мнѣ ноги!“. Птички добыли чашку воды и стали совѣ мыть ноги. Вдругъ она закричала: „больно, потише!“ Птички оскорбились высокоумнымъ обращеніемъ совы и сговорились побить ее. Побитая сова съ тѣхъ поръ не рѣшается показываться днемъ, а вылетаетъ только ночью. (Сел. Майданъ, Кут. уѣзда).

Ласточка.

Въ Ноевомъ ковчегѣ образовалась течь, что очень встревожило Ноя. Змѣя сказала ему: „Я остановлю течь, если будешь меня кормить вкуснымъ мясомъ“. Тотчасъ Ной выпустилъ изъ ковчега жука, который долженъ былъ опредѣлить, какое мясо самое вкусное. Жукъ нашелъ, что нѣтъ мяса вкуснѣе человѣчьяго. Затѣмъ онъ встрѣтилъ ла-

сточку и открылъ ей результатъ своихъ розысканій. Ласточка попросила жука отвѣдать и ея мясо, каково оно на вкусъ. Когда эта проба была сдѣлана, щебетунья, въ свою очередь, захотѣла опредѣлить вкусъ мяса жука и просить его высунуть языкъ. Жукъ исполнилъ просьбу ласточки, и вотъ онъ ужъ безъ языка: желая спасти человѣка, птичка откусила у него языкъ, чтобы жукъ не могъ донести Нюю о превосходствѣ человѣчьяго мяса: оттого-то и безгласенъ жукъ. Вотъ онъ передъ Ноемъ, но безмолвенъ. Змѣя спрашиваетъ у Ноя: „Что же мнѣ ѣсть?“ Ласточка за Нюю отвѣчаетъ: „Лягушекъ!“ Змѣя разсвирѣпѣла, схватила ласточку за хвостъ и вырвала средину его: вотъ почему у ласточки хвостъ ножницеобразенъ. (Кутаисск. уѣзда).

В. Ш.

Курица.

Сказавъ о „Божьей курочкѣ“ (м. Квирилы), приведемъ повѣрье относительно домашней: нельзя оставлять недоѣдковъ, въ противномъ же случаѣ курица не будетъ садиться на яйца (Кутаисъ). А о пѣтухѣ: когда ночью пѣтухъ запоетъ не въ свое время—значить, мимо проходитъ воръ. (Сел. Сачилао, Кут. уѣзда).

Буйволъ.

Ной въ ковчегъ взялъ всѣхъ животныхъ, кромѣ буйвола. Когда вода прибыла, и ковчегъ поплылъ, то буйволъ послѣдовалъ за нимъ, зывая: „Ной, Ной! возьми меня съ собой“. Ной не внялъ его мольбѣ. Буйволъ носился по водамъ все время потопа и жилъ послѣ потопа. (Кут. уѣзда).

В. Ш.

Когда буйволъ тонетъ, то онъ стонетъ: „Н-о-й!“, моля Ноя о спасеніи, какъ спасъ онъ многихъ животныхъ во время потопа. (Сел. Абаша, Кут. уѣзда). П. Г.

Чудесная звѣзда.

Есть въ морѣ чудесная звѣзда. Три раза въ годъ она выходитъ изъ воды и каждый разъ помѣщается на крышѣ какого-либо дома, тѣмъ предопредѣляя рожденіе въ семьѣ сына. Сперва эта звѣзда является съ палкой: родится сынъ, который будетъ богатъ и счастливъ. Второй разъ она приходитъ съ крестомъ: рожденный будетъ съ огненнымъ взоромъ въ глазахъ, на которые никто не осмѣлится взглянуть. За третьимъ разомъ чудесная звѣзда приносится въ видѣ „кудіані“ съ хвостомъ: сынъ будетъ вѣдуномъ. (Кут. уѣзда).

В. III.

Крестьянинъ изъ сел. Майдана добавляетъ: „Эта звѣзда роженницамъ обезпечиваетъ легкость разрѣшенія дарованными ею сыновьями“.

Кудіані.

Обученіе дѣтей волшебному искусству у вѣдьмъ. Послѣ полуночи двѣ вѣдьмы сходятся въ томъ домѣ, гдѣ живетъ намѣченное ими чужое дитя: взявъ соннаго ребенка, онѣ его перебрасываютъ одна другой съ рукъ на руки и при этомъ произносятъ какія-то волшебныя слова, сложенные на манеръ стиховъ. Когда ребенокъ начинаетъ просыпаться, вѣдьмы вырѣзываютъ у него клочокъ волосъ на головѣ и съ этимъ удаляются. Такая продѣлка ихъ повторяется нѣсколько разъ.

Наканунѣ 6 и 15 августа матери отъ припасенныхъ церковныхъ свѣчей отдѣляютъ частички воску и прилѣпляютъ ихъ къ волосамъ своихъ дѣтей на ночь. Кто изъ ребятъ на то время случайно останется безъ восковыхъ налѣпокъ, того вѣдьмы отмѣчаютъ и научаютъ своему искусству. (Имеретія).

Въ ночь съ 14 на 15 августа кудіані является за

„сацнахелі“ — беретъ давилю и уноситъ ее на гору Табекела. Въ 1892 году одинъ крестьянинъ, скептикъ въ своемъ родѣ, хотѣлъ провѣрить это. И вотъ, когда наступала знаменитая ночь, онъ взялъ маленькій камышекъ и отправился къ давилю, въ которую и залегъ. Явись въ полночь, вѣдьмы собрались взять „сацнахелі“; но тутъ одна изъ нихъ замѣтила лежащаго человѣка и объ этомъ сообщила своимъ товаркамъ. Нашъ смѣльчакъ уллучилъ минуту и въ „кудіанебі“ бросилъ камышекъ — попалъ въ одну вѣдьму и вышибъ у нея зубъ, длиною въ вершокъ. Крестьянинъ всѣмъ показываетъ свой побѣдный трофей и твердо вѣритъ, что дѣйствительно въ означенную ночь вѣдьмы являются за „сацнахелі“. (Сел. Карчхаби, Кут. уѣзда).

У одного мужика заболѣла жена, молодая женщина 25-ти лѣтъ. Страдая рвотой, изо рта она извергала волосы, ногти и многое другое. Приведенная къ ней знахарка объявила, что больная находится во власти „кудіані“, которая и мучитъ ее.... Разъ ночью въ спальню страдальцы забралась кошка. Бывшій насторожѣ мужъ погнался съ острымъ орудіемъ за кошкой и, настигнувъ, у нея отрѣзалъ кончикъ хвоста. Кошка убѣжала. На другой день крестьянинъ узналъ о скоропостижной смерти своей сосѣдки, старухи; а жена его тогда же почувствовала облегченіе и скоро выздоровѣла: умершая старуха и была та вѣдьма, что мучила молодицу. (См. наше „Сказанія о похожденияхъ вѣдьмъ въ видѣ кошекъ“). (Сел. Кухи, Кут. уѣзда).

Одинъ крестьянинъ, владѣлецъ тройки лошадей, прѣзжаетъ къ своей тещѣ навѣстить ее, какъ больную, и остается у нея на ночь. Въ часъ ночи слышитъ онъ, что теща ворочается на постели; видитъ, что она встаетъ, подходитъ къ бухару, беретъ золы, разводитъ ее водой и этимъ начинаетъ мазаться подъ мышками. Заинтересованный дѣй-

ствіями тещи, зять, чтобы продолжать свои наблюденія, не подавая повода къ подозрѣнію, покрылъ голову одѣяломъ, оставивъ скважинку для глазъ. Вдругъ теща проникаетъ въ трубу и вылетаетъ на вольный воздухъ. Зять, столько же мучимый любопытствомъ на себѣ испытать чудодѣйственную силу золы, сколько пораженный происшествіемъ съ мнимо-больной, встаетъ, подходитъ къ бухару и надъ собою продѣлываетъ то же самое, что подсмотрѣлъ за тещей—послѣдствіемъ этого былъ и его полетъ по воздуху. Зять очутился въ собраніи вѣдьмъ, гдѣ присутствовала и Рукапи, „старшая“ надъ ними и ихъ мать. Увидѣвъ пришельца, всѣ вѣдьмы закричали: „Это—христіанинъ!“ Теща узнаетъ своего зятя—спрашиваетъ его, какъ онъ добрался, и укоряетъ за появленіе среди нихъ. Вотъ она ведетъ его къ Рукапи, привязанной, и велитъ ему стать предъ „матерью“ на колѣни и обѣщать послѣдней трехъ своихъ лошадей,—а иначе погибнетъ. Зять все это исполняетъ безпрекословно. Возвратившись назадъ съ тещей, онъ находитъ лошадь издохшей—это первая изъ взятыхъ матерью вѣдьмъ. Но, когда зять прибылъ въ свой домъ, то оказалось, что и остальные двѣ лошади пали. Послѣ этого онъ далъ зарокъ навѣщать когда бы то ни было тещу. (Добавленіе крестьянина изъ сел. Майдана, представляющее такой вариантъ: зять, несмотря на требованіе и совѣтъ тещи, пообѣщалъ Рукапи только одну лошадь; взято же старшей вѣдьмой двѣ—одна, на которой онъ пріѣхалъ къ тещѣ, другая—изъ оставшихся дома). (Сел. Аскана, въ Гуріи).

*Какъ кудіанебі вывелись въ Хони *).*

Одинъ крестьянинъ пришелъ въ сосѣдную деревню и тамъ увидѣлъ красивую бабенку лѣтъ 25-ти. Она понравилась ему, и крестьянинъ женился на ней. Но оказалось,

*) См. вып. XVIII, отд. III, стр. 347.

что жена его была кудіані. Еще не прошло и медоваго мѣсяца, а шабашъ вѣдьмъ ужъ наступалъ. Чтобы на время своего праздника выпроводить мужа изъ дому, она сказала больной и отправила супруга въ городъ за лѣкарствомъ. До города было далеко. Мужикъ шелъ лѣсомъ, когда его застигла ночь, и онъ рѣшилъ переночевать въ лѣсу. Ища мѣстечка поудобнѣе и безопаснѣе, такъ какъ былъ не изъ храбрыхъ, онъ вышелъ на поляну. Посреди поляны ему попался большой кувшинъ, врытый въ землю—туда и забрался несчастный. Сидитъ мужикъ и горюетъ о больной женѣ. Вдругъ поднялся шумъ, и поляна наполнилась вѣдьмами; изъ нихъ однѣ принесли на лошадяхъ, другія—на коровахъ, третьи—на свиньяхъ, а остальные—кто на чемъ попало. Ужасъ овладѣлъ мужикомъ. Среди вѣдьмъ онъ увидѣлъ и свою жену. Вѣдьмы всю ночь танцовали подъ звуки балалайки; а когда наступило утро, положили ее въ кувшинъ, не замѣтивъ въ немъ человѣка, и удалились съ поляны. Когда ужасъ миновалъ, опомнившійся крестьянинъ взялъ балалайку, вылѣзъ изъ кувшина и побрелъ домой. Жену свою онъ засталъ въ постели—и началъ играть на балалайкѣ: супруга поднялась и запорхала по комнатамъ.... Наконецъ мужъ прекращаетъ игру и, оставивъ успокоившуюся жену, уходитъ въ другую комнату; но черезъ нѣкоторое время онъ выноситъ оттуда раскаленное добѣла желѣзо и имъ обжигаетъ жену крестообразно. Затѣмъ, собравъ односельчанъ, мужчинъ и женщинъ, въ церковной оградѣ, онъ и тутъ заигралъ на волшебной балалайкѣ: всѣ кудіанебѣ пустились въ плясъ. Сейчасъ опредѣлившихся вѣдунговъ и вѣдьмъ обожгли крестообразно, и съ тѣхъ поръ они уже не водятся въ Хони. (Хони).

В. Ш.

Каці.

Одинъ человѣкъ встрѣтился съ каці-женщиной, ко-

торая заставила его согласиться на сожительство съ нею; но она предупредила человѣка, что онъ только при томъ условіи останется ея любовникомъ, если тайну ихъ связи сохранить въ теченіе десяти лѣтъ,—грозя, иначе, что онъ сойдетъ съ ума. Но вотъ съ тѣхъ поръ, какъ они зажили вмѣстѣ, прошло всего два дня—крестьянинъ не утерпѣлъ и разгласилъ тайну, послѣдствіемъ чего было его сумасшествіе: онъ взялъ веревку и отправился въ поле; тамъ нашелъ дерево и повѣсилъ на немъ. Домашніе дивились исчезновенію хозяина—долго искали его и спрашивали о немъ у сосѣдей... Наконецъ его нашли разложившимся уже трупомъ. (Хони). В. Ш.

Одинъ крестьянинъ изъ Клдести направлялся въ Тврини и повстрѣчалъ человѣка, вышедшаго изъ лѣсу. Но это былъ, какъ потомъ оказалось, „қаці“, вступившій съ крестьяниномъ въ борьбу. Борьба между ними продолжалась до разсвѣта. Когда занялась заря, „қаці“, убѣдившись, что не можетъ одолѣть противника, отпустилъ его. (С.с. Клдести-Тврини, Шароп. уѣзда). К. С.

Вечеромъ одинъ крестьянинъ проходилъ близъ рѣчки Кухи и встрѣтилъ голаго человѣка, который затѣялъ съ нимъ борьбу. Голый былъ „қаці“. Чудовище побѣждаетъ крестьянина и уходитъ, оставивъ его на мѣстѣ. Когда мужикъ пришелъ въ себя, онъ побрелъ въ свою деревню,—но съ трудомъ дотащился до дому. Разказавъ домашнимъ о встрѣчѣ и борьбѣ своей съ „қаці“, крестьянинъ тотчасъ онѣмѣлъ. Родные его прибѣгнули къ помощи священника и доктора, но напрасно: онѣмѣвшій остался нѣмымъ на всю жизнь. И по сю пору живетъ онъ въ селеніи Кухи. (Кухи).

Хозяинъ свою лошадь оставилъ на полянѣ пастись, а самъ удалился. Вернувшись, онъ не нашелъ лошади и

началь ее громко звать. Вотъ онъ слышитъ человѣческой. голосъ: „Здѣсь твоя лошадь!“ Хозяинъ идетъ въ ту сторону, откуда послышался голосъ, и выходитъ на дорогу. Видитъ онъ, стоитъ молодой человѣкъ, который говоритъ ему: „Здравствуй!“ Крестьянинъ отвѣчаетъ обычнымъ привѣтствіемъ и спрашиваетъ: „Гдѣ, братецъ, моя лошадь?“ Тогда молодой человѣкъ, который былъ не кто иной, какъ кацѣ, сказалъ: „Зачѣмъ тебѣ искать ее? Давай-ка лучше бороться!“ и тутъ же схватилъ крестьянина. Между ними завязалась борьба, которая тянулась очень долго. Сперва перевѣсъ былъ на сторонѣ мужика; но затѣмъ кацѣ сталъ одерживать верхъ. Видя, что дѣло плохо, мужикъ началъ отступать къ своей деревнѣ, пятясь назадъ и защищаясь отъ преслѣдователя. Вблизи деревни кацѣ произнесъ: „Довольно, хорошо!“ и отсталъ отъ человѣка. Послѣдній вернулся домой; но въ жилище не могъ проникнуть: онъ не силахъ былъ отворить дверь отъ ужаса. Хозяину пришлось спать на балконѣ. На другой день его нашли больнымъ — звали священника, звали доктора; но ни тотъ ни другой не могли подать помощи больному, и онъ вскорѣ умеръ. (Сел. Губи, Кут. уѣзда).

Чінка.

„Нечистый“ — низенькое, не болѣе аршина, толстое человѣкоподобное существо. Всѣ его члены поражаютъ своею величиною и отсутствіемъ всякой гармоніи. Чінка живетъ въ землѣ; на поверхности ея начинаетъ показываться 27 октября. Его появленіе сопровождается ненастной погодой, продолжающеюся цѣлую недѣлю.

Кто родится въ промежутокъ времени между 1 и 5 ноября, того чінка въ этотъ самый періодъ зоветъ по имени въ теченіе всей его жизни. (Сачилао).

Сказанное служить нѣкоторымъ дополненіемъ къ тому,

что сообщено нами о чинкѣ въ прежней статьѣ. Между прочимъ, тамъ говорится: по ночамъ на скалѣ „Квапткара“ (Рач. уѣзда) появляется огонекъ, свидѣтельствующій о выходѣ чинки изъ скалы.

Въ Бѣлорусскомъ сборникѣ отмѣчено такое же явленіе: послѣ заката солнца можно иногда замѣтить на кладбищѣ огонь. Это значитъ, что русалки вышли для своихъ забавъ....

Возвращаюсь къ имеретинскимъ повѣрьямъ о чинкѣ.

Мельникъ поймалъ перепела и вечеромъ сталъ его жарить на вертелѣ въ мельницѣ. Вдругъ появились два чинки и сѣли подлѣ мельника. Тутъ одинъ изъ нихъ и говоритъ человѣку: „Жарь, жарь птичку; когда изжаришь— одна половина тебѣ, а другая намъ!“ Мельникъ взялъ въ руки головешку и ею хватъ по головѣ одного чинку, другого: искры посыпались, и чинки убѣжали. (Сачилао).

Позднимъ вечеромъ съ мельницы возвращался крестьянинъ верхомъ на лошади. Въ пути повстрѣчался съ нимъ чинка и говоритъ ему: „Или ты меня возьми къ себѣ, или я тебя посажу на свои плечи?!“ Крестьянинъ ничего не отвѣтилъ, а чинка, вскочивъ на лошадь, усѣлся сзади него. Такъ они и ѣхали. Когда приблизились къ деревнѣ, чинка спрыгнулъ съ лошади. Крестьянинъ пріѣхалъ домой взволнованнымъ, изнеможеннымъ и нѣмымъ. На другой день къ нему пригласили священника. Когда надъ больнымъ было совершено таинство елеосвященія, онъ окрѣпъ и снова получилъ способность говорить. (Губи).

Одинъ пастушокъ, лѣтъ пятнадцати, тихимъ шагомъ ѣхалъ домой верхомъ на лошади и встрѣчилъ чинку. Чудовище вскочило на коня и сѣло съ мальчикомъ: лошадь испугалась и побѣжала рысью. Вбѣжавъ къ себѣ во дворъ и приблизившись къ конюшнѣ, онахватила въ дверь ко-

пытами. Дверь не подалась, и лошадь помчалась къ рѣкѣ, гдѣ бросилась въ воду: чинка тутъ же упалъ. Придя въ себя отъ испуга, мальчикъ направилъ лошадь домой. Послѣ этого онъ не могъ говорить цѣлыхъ три дня. (Сел. Бандза, Сенак. уѣзда). В. Ш.

Водяной.

Къ одному князю собрались гости. Пирушка затянулась до глубокой ночи. Хозяинъ послалъ служителя на дворъ за водой. Слуга подошелъ къ источнику и началъ доставать воду. Вдругъ изъ воды выпрыгнулъ водяной. Нечистый спросилъ у служителя: „Дома ли твой хозяинъ?“ и, не дожидаясь отвѣта, сталъ душить слугу. Этотъ закричалъ: „Гдѣ мой кинжалъ?“ Водяной испугался и убѣжалъ.. на балконъ и началъ стучать. На стукъ выбѣжали гости, и водяной исчезъ. (Сел. Сакара, Шароп. уѣзда).

Домовой.

Въ одномъ домѣ былъ гость, оставшійся тамъ и на ночь. Когда уже всѣ домашніе спали, онъ почувствовалъ жажду и вышелъ на дворъ за водой. Тамъ гость увидѣлъ какого-то человѣка въ бѣлой одеждѣ и, признавъ въ немъ домового, со страху такъ закричалъ, что всѣ проснулись и прибѣжали къ гостю. Его нашли распростертымъ на землѣ и еле-еле живымъ; его подняли и подъ руки повели въ домъ. Но за высокимъ орѣховымъ деревомъ, что росло во дворѣ, видятъ, стоитъ домовой и качаетъ головой. Когда всѣ скрылись въ домѣ, и домовой исчезъ. (Сел. Квалити, Шароп. уѣзда).

Въ одномъ домѣ по ночамъ стало появляться какое-то бѣлое, какъ заяцъ, существо, носившее человѣческой образъ: заходило въ залу и стучало. Въ немъ признали домового. Кто-то похвастался, что можетъ поймать этого до-

мового, но лишь съ чьей-либо помощью. И вотъ съ наступленіемъ ночи два человѣка засѣли подъ поломъ залы и дожидаются появленія домового. Послѣдній скоро явился и застучалъ; люди сдѣлали то же, и онъ, отъ неожиданнаго для него стука, убѣжалъ. Многіе нѣсколько разъ пытались поймать домового, но все безуспѣшно. Такія неудачныя попытки продолжались пять лѣтъ. Наконецъ домового пересталъ тревожить хозяевъ и исчезъ изъ ихъ дома навсегда. (Сел. Пути, Шароп. уѣзда). К. С.

Въ Мингреліи простой народъ вѣритъ, что душа человѣка, послѣ его смерти, возвращается въ родной домъ и стучитъ на потолокъ. Чтобы избавиться отъ безповойнаго духа, мингрельцы кладутъ на потолокъ пищу, думая, что духъ явится, поѣстъ и удалится. Въ сел. Мухури жилъ одинъ кузнецъ, лѣтъ семидесяти. Разъ онъ услышалъ стукъ на потолокъ и голосъ оттуда: „Я духъ твоего дяди. Если хочешь спастись—сдѣлай себѣ гробъ, ложись въ него и умрешь“. Повѣривъ въ справедливость этихъ словъ, кузнецъ въ продолженіе десяти дней ничего не ѣлъ—а затѣмъ легъ въ приготовленный гробъ и умеръ. В. III.

М. Машурко,

преподаватель Кутаисской гимназіи.